

**СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО
И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)¹**

**POLYSEMY STRUCTURE IN CROSS-LINGUISTIC PERSPECTIVES
(VERBS OF MOTION IN RUSSIAN AND GERMAN)**

Добровольский Д.О. (dm-dbrv@yandex.ru), Институт русского языка РАН

На материале глаголов типа бежать – laufen в работе исследуется полисемия сильно многозначных слов. Исследование показало, что для данных глаголов весьма характерна регулярная многозначность. Эта полисемия лингвоспецифична. Регулярность семантической деривации распространяется не на весь семантический класс, а на небольшие группы глаголов.

Цель данной работы – сопоставить структуру многозначности семантически коррелирующих слов разных языков, чтобы на этом материале определить соотношение универсального и лингвоспецифичного в реализации некоторых общих принципов, заложенных в способности слов определенного семантического класса развивать те или иные производные значения – способности, лежащей в основе регулярной полисемии. Материалом послужили немецкие и русские глаголы типа *бежать – laufen, ехать – fahren, лететь – fliegen, плыть – schwimmen*.

1. Способность слов определенного семантического класса образовать значения по некоторому единому для этого класса принципу – это потенциал, заложенный в системе языка (и до известной степени, видимо, в системе стоящих за языковыми выражениями концептуальных структур). Как таковой этот потенциал может быть описан. Наличие подобных потенциалов не означает, однако, что все члены определенного семантического класса должны обнаруживать параллельную полисемию и что каждое отдельно взятое производное значение может быть выведено из исходного по некоторым продуктивным правилам, не знающим исключений. Иными словами, «правила» семантической деривации помогают систематизировать представление семантической структуры многозначного слова, но не позволяют предсказать наличие того или иного значения у каждого конкретного слова.²

Асимметричное устройство парадигм регулярной многозначности, их неуниверсальность и зависимость от разнообразных – в том числе и чисто узуальных – факторов проявляется особенно наглядно при сопоставлении разных языков. Та или иная парадигма регулярной многозначности, будучи достаточно продуктивной в некотором языке, совсем необязательно должна быть представлена и в других языках. Если ранее предполагалось, что модели семантической деривации должны быть квазиуниверсальны (ср., например, [Nunberg, Zaenen 1992]), поскольку они основываются на достаточно общих когнитивных механизмах, сегодня имеется достаточно эмпирических данных, свидетельствующих о том, что устройство регулярной многозначности в высокой степени специфично для каждого конкретного языка. В [Падучева 2004: 153-154] было показано, что существуют парадигмы регулярной многозначности, характерные для одного языка и отсутствующие в другом. Там, где, например, английский язык для образования парадигматически связанных друг с другом лексем использует механизмы семантической деривации, русский язык прибегает к словообразовательным средствам.

Многие отношения между семемами одного слова, представляющиеся регулярными в рамках одного языка, оказываются нетривиальными и не вполне регулярными при сопоставлении с аналогичными отношениями в другом языке. Это положение имеет и чисто лексикографические следствия. В двуязычном словаре часто необходима более дробная разбивка структуры словарной статьи на значения, так как межязыковые несоответствия могут проявляться внутри одной отдельно взятой лексемы. «Носитель языка не чувствует контекстно обусловленных сдвигов значения и регулярной многозначности – в значительной степени она является следствием несовершенства нашего способа представления смысла слова» [Падучева 1998: 22]. То, что для носителя языка L1 представляется абсолютно регулярным, контекстно обусловленным семантическим сдвигом, не нуждающимся

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 05-04-04026а) и программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

² Ср. различие между регулярной и продуктивной полисемией, проводимое в [Апресян 1974].

ся в специальном словарном описании, с точки зрения языка L2 оказывается нетривиальной модификацией исходного значения, для которой в языке L2 существует отдельное слово, и которая, следовательно, должна быть выделена в отдельную семему в словаре, описывающем язык L1 с точки зрения L2.

Подобные случаи представляются значимыми с точки зрения лексико-семантической типологии языков. С этой точки зрения весьма многообещающими представляются сопоставительные исследования на большом количестве языков; ср., например, проект «Каталога семантических переходов» [Зализняк 2001].

2. Лингвоспецифичные особенности структуры многозначности хорошо прослеживаются на материале глаголов движения немецкого и русского языков. Немецкие глаголы движения типа *laufen, fahren, fliegen, schwimmen*³ обнаруживают переходные и квазипереходные употребления, не свойственные их русским аналогам. Речь идет прежде всего о характерном для глаголов *fahren, fliegen, schwimmen* каузативном значении ‘везти кого-л. куда-л. на соответствующем транспортном средстве’. Ср. *er hat sie ins Krankenhaus gefahren* он отвёз её в больницу; *die Kohle zum Kraftwerk schwimmen* доставлять уголь на электростанцию (водным путём); *Medikamente in das Katastrophengebiet fliegen* доставлять медикаменты в зону бедствия (воздушным путем). Эту модель семантической деривации используют не только глаголы *fahren, fliegen, schwimmen*, но и их гипонимы типа *jetten* (в соответствующем значении – ‘транспортировать на реактивном самолёте’); ср. *er jettete die ganze Gesellschaft an die Riviera* он перевёз [переправил] всё общество на Ривьеру. Отсутствие данного значения у глагола *laufen* вполне естественно и объясняется невозможностью его «транспортного» прочтения, противоречащего самой идее бега.⁴

С точки зрения сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии эти – столь естественные в рамках логики немецкого языка – употребления представляют определенную проблему, поскольку регулярная полисемия такого рода совершенно не свойственна русскому языку. В русском языке для выражения этих смыслов всегда используются другие – лексически не совпадающие с непереходными глаголами движения – слова: *отвозить, доставлять, везти, перевозить, переправлять, транспортировать* и т.п. (ср. примеры выше).

Среди каузативных употреблений для некоторых из этих глаголов выделяется также значение ‘управлять’: ср. *er kann Auto fahren* он умеет водить (машину); *den Traktor aufs Feld fahren* вести трактор в поле; *eine Maschine zum ersten Mal fliegen* впервые пилотировать самолёт. Кроме того, у каждого глагола есть свои, свойственные только ему переходные значения. Для *fahren* в «Новом большом немецко-русском словаре»⁵ выделяются следующие лексемы, требующие прямого дополнения (1), причем все они в той или иной степени возводимы к идее ‘управления’:

- (1) **а.** ездить (на определённой марке автомобиля, на определённом виде горючего); *er fährt einen Ferrari* он ездит на феррари; *er fährt nur Super* разг. он ездит только на бензине высшего качества **б.** *tex.* пускать; приводить в действие; эксплуатировать; *eine Anlage fahren* эксплуатировать установку **в.** разг. выполнять, проводить, осуществлять (в соответствии с задуманным); *die Arbeiter fuhren Sonderschichten in der Fabrik* рабочие фабрики проводили специальные смены

С другой стороны, глагол *fliegen* среди собственно переходных употреблений обнаруживает только одно значение, реализующее идею ‘управления’: ‘пилотировать самолёт [вертолёт и т.п.]’. Для русского языка все подобные употребления глаголов движения невозможны, следовательно семантическая деривация этого типа может рассматриваться как один из регулярных параметров, по которому лексические системы этих двух языков могут быть противопоставлены.

Не менее «экзотичными», чем чисто переходные употребления, являются с точки зрения русского языка случаи употребления немецких глаголов движения, в которых в качестве прямого дополнения выступает семантический сирконстант, обозначающий отрезок пути (ср., например, *einen Umweg laufen/fahren/fliegen* сделать крюк, ехать в объезд, лететь в обход; *einige Runden laufen/fahren/schwimmen* сделать несколько кругов) или ‘спортивное достижение’ типа *einen Rekord laufen/fahren/fliegen/schwimmen* установить рекорд в беге (на определенной дистанции)/заезде/полете/заплыве или *die beste Zeit laufen/fahren/schwimmen* показать лучшее время на дистанции/в заезде/в заплыве. Сомнительность узуальной приемлемости (за рамками спортивного жаргона) последнего из перечисленных сочетаний для глагола *fliegen* (ср. *die beste Zeit fliegen*) объясняется экстралингвистическими факторами – спецификой соответствующих видов спорта. С другой стороны, этот глагол обнару-

³ Глагол *gehen*, хотя и относится к данному семантическому полю, обнаруживает ряд существенных отличительных особенностей и в силу специфики своего исходного значения имеет принципиально иную структуру многозначности. Этот глагол заслуживает отдельного рассмотрения.

⁴ Особенности полисемии глагола *laufen* будут рассмотрены несколько ниже.

⁵ Этот лексикографический проект находится в стадии завершения. Структура словарных статей некоторых из рассматриваемых здесь глаголов обсуждается в [Dobrovol'skij, Šarandin 2006].

живает дополнительное, близкое по семантико-синтаксическим признакам и свойственное только ему значение (2), наличие которого также объясняется знаниями о мире:

(2) выполнять (*что-л. в полёте*); *Militärmaschinen der sudanesischen Regierung haben einen Bombenangriff geflogen* авиация суданских правительственных войск нанесла воздушный удар

Это значение коррелирует до известной степени с лексемой (1в) глагола *fahren*, но отличается от нее в первую очередь тем, что в случае (1в) действие направлено на объект: в приведенном примере *Sonderschichten* – это, в терминах глубинных падежей, Тема. В примере (2) *Bombenangriff* трудно квалифицировать как объект, на который направлено действие. Семантическая роль этого слова – Цель, и это хорошо видно в буквальном переводе на русский язык: «военные самолеты суданского правительства летали воздушный удар». Иными словами, речь идет о полете с целью нанесения воздушного удара, где ‘воздушный удар’ – сирконстант при действии полета, хотя и выраженный существительным в аккумулятиве, что формально делает его прямым дополнением.

В таких случаях можно говорить о **псевдопереходных** глагольных лексемах. Отличие псевдопереходных употреблений от собственно переходных манифестируется не только в области семантики, но и в таких формальных показателях, как употребление вспомогательных глаголов для образования сложных временных форм прошедшего времени. Если собственно переходные употребления требуют, в соответствии с продуктивными правилами грамматики, глагола *haben* (ср., например, (1)), псевдопереходные употреблений допускают в этой функции как *haben*, так и *sein*. Причины этого очевидны. С чисто формальной точки зрения обсуждаемые случаи являются переходными употреблениями, так как соответствующий глагол управляет дополнением в аккумулятиве. Семантически, однако, глагол в таких употреблениях не выражает идею направленности на объект, т.е. эти употребления не ощущаются как агентивно-транзитивные. Соответственно, для носителей немецкого языка такие употребления по одним показателям оказываются рядоположенными переходным глаголам, а по другим – непереходным.

В случаях, когда прямое дополнение практически сливается с глаголом превращаясь в квазипрефикс, в качестве вспомогательного глагола может использоваться только *sein*, как, например, в словосочетаниях *Boot <Rad, Ski> fahren* *кататься на лодке <на велосипеде, на лыжах>*. В пользу такой интерпретации говорят также допустимые орфографические варианты типа *radfahren* (так это слово писалось в соответствии с требованиями орфографии до реформы 2005 года).

Отметим, что выбор вспомогательного глагола для образования аналитических форм прошедшего времени глаголов движения зависит не только от переходности/непереходности. В [Шеманаева 2006] со ссылкой на [Levin, Rappaport Novav 1992] и [Tschander 1999] показано, что выбор вспомогательного глагола при *schwimmen* определяется еще и тем, какая составляющая ситуации движения – ‘путь’ или ‘способ’ – профилирована в семантической структуре глагола. Ср.: *er hat/ist früher viel geschwommen* раньше он много плавал vs. *ich bin/*habe über den Fluss geschwommen* я переплыл через реку vs. *ich habe/*bin eine halbe Stunde geschwommen* я проплавал полчаса. Х. Бринкманн отмечает, что при употреблении глагола *haben* профилируется активная роль субъекта, а при использовании глагола *sein* внимание концентрируется на самом действии [Brinkmann 1962: 529]. Иными словами, если собственное значение движения смещается на второй план, в качестве вспомогательного глагола – вместо обычного для этого семантического класса *sein* – появляется *haben*. Интересно, что глаголы *gehen* и *kommen*, в отличие от рассматриваемых здесь слов, ни в одном из своих значений не образует сложных форм прошедшего времени с помощью вспомогательного глагола *haben* (ср., например, [Jung 1966: 217]). Эта грамматическая особенность явно имеет семантические причины; ср., в частности, отсутствие у этих глаголов коммуникативно осмысленных переходных и псевдопереходных употреблений.

Следует заметить, что псевдопереходные конструкции с глаголами движения встречаются и в русском языке. Ср. *пройти пешком/проехать без остановки весь путь; пробежать стометровку; пробежать/проплыть... дистанцию (с хорошим результатом)*; в спортивном жаргоне также *пробежать/проплыть... лучшее время*.⁶ Интересно, что такие конструкции в русском языке, помимо сильных ограничений на лексическую сочетаемость, часто имеют дополнительные ограничения на вид и/или способ действия; ср. **бежать/плыть... лучшее время; *бежать/плыть... дистанцию с хорошим результатом*, при том что выражение *бежать/плыть... дистанцию* и без акцента на результате допустимо только в сочетании с глаголами типа *пришлось, предлагается, пожелал*.⁷

Для семантической типологии значимым фактором является регулярность способа означивания этих смыслов. Один язык выбирает способ, при котором один и тот же глагол выражает и само движение (с такими его

⁶ Выражения типа пройти долгий путь явно метафоричны и не должны рассматриваться в контексте этих рассуждений, тем не менее очевидно, что их существование в языке основывается на принципиальной возможности псевдопереходного употребления глаголов движения.

⁷ Связь (псевдо)переходности с видом и способом действия вообще характерна для русского языка.

составляющими, как характер перемещения в пространстве, среда, в которой происходит движение, средство и скорость передвижения; качественная характеристика движения) и указывает при этом на все «сопутствующие моменты» (такие, как цель перемещения, объекты, на которые при движении оказывается воздействие и т.п.). Другой язык при необходимости включить в фокус внимания именно эти «сопутствующие моменты» выбирает особый глагол, не совпадающий с соответствующим глаголом движения. Языки типа немецкого и английского предпочитают использование того же самого глагола, вводя его в конструкции (по Филлмору; ср. [Fillmore 1990; Goldberg 1995]) разного типа. Языки типа русского при кардинальном изменении валентностной структуры меняют сам глагол. Например, если цель движения – установление рекорда, в русском языке используется глагол *установить*, независимо от того, о каком конкретном виде спорта идет речь и движение какого характера (бег, плавание и т.п.) включено в ситуацию установления рекорда. В русском языке при этом допускаются отдельные исключения – конструкции с относительно жестко фиксированным лексическим наполнением; ср. *пробежать стометровку*, *пробежать/проплыть... дистанцию* и т.п. Иными словами, разные языки предпочитают разные стратегии образования каузативных и квазикаузативных конструкций от глаголов движения. По этому параметру соответствующие языки могут быть типологически противопоставлены. Так, совмещение в одном глаголе переходных и непереходных употреблений типично для английского языка и может рассматриваться как одна из его базовых семантико-синтаксических характеристик. Такое совмещение довольно часто встречается и в немецком языке (ср. обсуждаемые здесь случаи), но не может считаться для него «сквозным» принципом организации взаимодействия лексической семантики и синтаксиса. Для русского языка совмещение в одном глаголе переходных и непереходных употреблений нехарактерно. Исключения, видимо, следует описывать в терминах грамматики конструкций.

3. Выше было показано, что определенные значения развиваются только у тех глаголов, в семантике которых есть своего рода «опорные пункты» для соответствующего производного значения. Так, значение, восходящее к идее ‘перевозить’ может развиваться только у «транспортных» глаголов, а значение ‘установления рекорда’ – только у «спортивных» глаголов. При этом глаголы движения могут развивать и какие-то другие, узкоспецифические значения. Например, глагол *laufen* обнаруживает специфическое каузативное значение, реализующееся при наличии внутреннего объекта. Ср. (3).

(3) *sich (D) die FüÙe wund laufen* 1) натереть себе ноги 2) *перен. (nach etw. D)* сбиться с ног (в поисках чего-л.); *sich (D) eine Blase laufen* набить себе мозоли

Наличие этого значения у глагола *laufen* и его отсутствие у глаголов *fahren*, *fliegen* и *schwimmen* объясняется экстралингвистическими причинами: наши знания об устройстве мира мотивируют участие этого глагола в конструкциях, в значение которых входит идея физического воздействия, оказываемого на ноги при слишком длительной и интенсивной ходьбе или беге. Потенциально сходное значение может иметь и глагол *tanzen*, поскольку в нем также акцентировано физическое воздействие на ноги: ср. не фиксируемое словарями, но вполне возможное словосочетание *sich (D) die FüÙe wund tanzen*. Глагол *laufen* развил еще одно специфическое – псевдовозвратное – значение:

(4) ‘добегаться до чего-л.’: *sich müde laufen* набегаться до усталости; *sich außer Atem laufen* запыхаться [задохнуться] от бега

Интересно, что параллельное значение обнаруживает также глагол *tanzen*, сходным образом фокусирующий в подобных употреблениях идею крайней физической усталости – ‘дотанцеваться до чего-л.’: *sie haben sich müde getanzt* они натанцевались до упаду. Таким образом, становится очевидным, что регулярная полисемия характерна не столько для всех слов определенного семантического класса, сколько для слов, объединенных каким-то довольно конкретным элементом значения.

Значение *P* может развиваться у слова *A*, если в его основном значении содержится идея *X*. Если идея *X* содержится и в значении слова *B*, оно тоже может развить значение *P*. Но если у слова *B* идея *X* отсутствует, то, даже если это слово принадлежит тому же семантическому классу, что и *A* и *B*, значение *P* у него никогда не появится.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, №2, 2001. С. 13-25.

3. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания, № 5, 1998. С. 3-23.
4. Падучева Е.В. Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 87-107.
5. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
6. Шеманаева О.Ю. Выражение перемещения в воде в немецком языке // Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М, 2006.
7. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung // Sprache und Gemeinschaft. Grundlegung. Bd. 1. Düsseldorf, 1962.
8. Dobrovolskij D., Šarandin A. Polysemie in einem zweisprachigen Wörterbuch // XII Euralex International Congress: Proceedings. Torino, Italia, September 6th-9th, 2006. Alessandria, 2006. P. 527-535.
9. Fillmore Ch. J. Construction grammar. Course reader for linguistics 120 A. Berkeley, 1990.
10. Goldberg A.E. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. Chicago/London, 1995.
11. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1966.
12. Levin B., Rappaport Hovav M. The lexical semantics of verbs of motion: the perspective from unaccusativity // Thematic structure: its role in grammar. Berlin/New York, 1992. P. 247-269.
13. Nunberg G., Zaenen A. Systemic polysemy in lexicology and lexicography // Proceedings of Euralex II. Tampere, 1992. P. 387-396.
14. Tschander L.B. Bewegung und Bewegungsverben // KogWis99: Proceedings der 4. Fachtagung der Gesellschaft für Kognitionswissenschaft. Bielefeld, 1999. S. 25-30.